

О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ В РОЛИ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКТА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

ABOUT THE METHODOLOGY OF RESEARCH OF A COURT DECISION AS A LEGAL FACT OF CIVIL LAW

M. Sklizkov

Summary. The article argues for the constitutional principle of separation of powers, implemented in the norms of civil law, as a methodological basis for the study of a court decision as a legal fact of civil law. The concept of the principle of judicial protection as the main principle of civil legislation on the participation of the judiciary in regulating civil relations is defined. From these positions, it is possible to determine the objective conditionality of fixing a court decision in the civil code of the Russian Federation among the grounds for the emergence of civil rights and obligations, its value, place and functions in the mechanism of civil legal regulation.

Keywords: judicial decision, legal fact, principle of separation of powers, judicial power, basic principles of civil legislation, individual judicial regulation.

Склизков Михаил Николаевич

*Ассистент, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток
Adv_ocat@mail.ru*

Аннотация. В статье в качестве методологической основы исследования судебного решения в роли юридического факта гражданского права аргументируется конституционный принцип разделения властей, реализованный в нормах гражданского права. Определяется понятие принципа судебной защиты как основного начала гражданского законодательства об участии судебной власти в регулировании отношений гражданского оборота. С этих позиций утверждается возможность определения объективной обусловленности закрепления в ГК РФ судебного решения в числе оснований возникновения гражданских прав и обязанностей, его ценности, места и функций в механизме гражданского правового регулирования.

Ключевые слова: судебное решение, юридический факт, принцип разделения властей, судебная власть, основные начала гражданского законодательства, индивидуальное судебное регулирование.

Двадцать пять лет назад в принятом Гражданском кодексе Российской Федерации судебное решение впервые было названо в числе оснований возникновения гражданских прав и обязанностей, а многочисленные статьи кодекса отсылали к судебному решению как юридическому факту.

Дальнейшее развитие гражданского законодательства и его реформирование в настоящее время также характеризуется тенденцией повышения роли суда в установлении субъективных гражданских прав и обязанностей, в определении их содержания и защите. ГК РФ пополнился новыми статьями, связывающими динамику гражданских правоотношений с судебным решением.

В то же время правоприменительная практика в данной сфере неоднозначна.

В актах высших судебных инстанций неоднократно разъяснялось, что в случае ненадлежащего формулирования истцом способа защиты суд не должен отказывать в иске. Однако практика судов в противоречие этим разъяснениям продолжается. У правоприменителей отсутствует устойчивое понимание соотношения усмотрения суда и свободы договора; бытует представление, что обязанность должника исполнить судебное решение

не является гражданско-правовой обязанностью. Эти и другие проблемы требуют от науки гражданского права соответствующих рекомендаций их разрешения. Однако в теории права и цивилистике отсутствует единый подход к определению функционального назначения судебного решения как юридического факта, занимающего самостоятельное место в механизме гражданско-правового регулирования. Доктринальное истолкование существа судебного решения как правового явления в контексте ст. 8 ГК РФ по-прежнему разделяет ученых.

В советской юридической литературе теоретическое обсуждение вопроса о судебном решении как юридическом факте в области материального права было связано с учением профессора М. А. Гурвича и его последователей о существовании преобразовательных исков и соответствующих им преобразовательных (конститутивных) решений, способных воздействовать на динамику гражданско-правовых отношений [8, с. 1–12].

Но многие представители науки гражданского процессуального права с М. А. Гурвичем не соглашались и рассматривали решение суда только в качестве процессуального юридического факта [14; 10, с. 80–81]. Их концепция основывалась на том, что суд не создает правоотношений, а лишь подтверждает наличие или отсутствие фактов, прав и обязанностей участников правоотношений.

ношений, возникших в прошлом, до процесса. Основой такой позиции, как правило, служило положение об отсутствии правотворческой функции у суда, задача которого не в создании прав и обязанностей, а в их защите.

В науке гражданского права положение М.А. Гурвича первым поддержал О.А. Красавчиков, но, поддерживая М.А. Гурвича в самой идее о материально-правовом значении решения суда, О.А. Красавчиков усматривал недостаток его концепции в переоценке роли судебного решения, в утверждении, что суд сам своим решением изменяет, прекращает гражданские правоотношения. Судебное решение, писал он, обычно выступает в качестве правоустанавливающего факта, то есть замыкающего элемента юридического состава и не теряет характера юридического факта от того, какой предъявлен иск, о признании, о присуждении или правообразующий иск и независимо от того, удовлетворен иск или в его удовлетворении отказано.

Сущность судебного решения как юридического факта в гражданском праве он раскрывал с позиции двойственной, материально-процессуальной природы решения, а значение юридического факта в гражданском праве признавал вообще *за любыми решениями суда* [16, с. 196].

Положения О.А. Красавчикова о судебном решении — юридическом факте гражданского права были восприняты многими представителями науки права. В цивилистике его представление о судебном решении, как о форме принудительного осуществления субъективного гражданского права, получило широкое распространение. А представление о двойственной (материально-процессуальной) природе судебного решения стало преобладающим и обрело методологическое значение.

Высказывались, однако, и критические замечания. М.Г. Авдюков, например, отмечая противоречивость выводов О.А. Красавчикова, писал, что суд может отказать в удовлетворении иска и тогда решение есть, а правовых последствий в виде изменения или прекращения гражданских правоотношений нет, значит, опровергается понимание судебного решения как юридического факта материального права [2, с. 23–24].

Таким образом, ко времени принятия Гражданского кодекса Российской Федерации 1994 года в изучении юридико-фактической роли судебного решения согласованного подхода не было.

В статье 8 Гражданского кодекса РФ (п.3 п. 1) судебное решение, «установившее гражданские права и обязанности», указано наряду с иными основаниями

гражданских прав и обязанностей. Но включение законодателем судебного решения в число юридических фактов гражданского права в доктринальном обсуждении данной проблемы существенных изменений не вызвало. Ее исследователи по-прежнему делятся на сторонников гражданско-правового значения судебного решения и его противников. Каждая из сторон дискуссии часто приводит уже известные аргументы, используя ранее сформировавшиеся в процессе обсуждения понятия и подходы. Высказываются мнения, в которых, не смотря на установление ст. 8 ГК РФ, отрицается возможность считать судебное решение юридическим фактом в гражданском праве [22, с.42; 21, с. 355].

Представители науки гражданского процессуального права — сторонники материально-правового значения судебного решения по-прежнему связывают его только с существованием преобразовательных исков [24, с. 86–98], хотя в тексте подп. 3 п. 1 ст.8 ГК РФ подобное ограничения не содержится.

Исследованию решения суда в роли юридического факта гражданского права на монографическом уровне посвятили свои труды: М.А. Рожкова [19] (в аспекте теории преобразовательных исков и обязательственных отношений) и В.А. Власенко [6] (независимо от категории исков и вида правоотношений).

Авторы пришли к определенным, заслуживающим внимания выводам теоретического и прикладного свойства: о возрастающей роли суда в развитии частноправовых отношений; о том, что судебное решение в определенных случаях может быть источником субъективных гражданских прав; о необходимости совершенствования практики применения определенных норм гражданского права, и др. К сожалению, в полной мере удовлетворительного объяснения природы и значения судебного решения для гражданского права ими не предложено, и это, как представляется, объяснимо причинами методологического свойства.

Во-первых, признавая, что законодатель в ст. 8 ГК РФ вполне определенно придает судебному решению самостоятельное значение в системе гражданского правового регулирования, авторы оставили не проясненным вопрос о том, каким образом судебное решение соотносится и взаимодействует с законом в регулировании отношений сферы гражданского оборота.

Более того, рассматривая судебное решение в роли юридического факта как единое явление гражданского права, авторы разделяют его на два вида в зависимости от степени регулирующего воздействия: самостоятельно порождающее, изменяющие и прекращающее гражданские права и обязанности (в силу специального

указания закона); и, порождающее, изменяющие и прекращающее гражданские правоотношения лишь в совокупности с другими юридическими фактами в качестве «закрывающего элемента» сложного юридического состава [19, с. 137; 6, с. 7].

В теоретическом обосновании второго вида судебного решения эти исследователи опираются соответственно на научные взгляды М. А. Гурвича и О. А. Красавчикова по данной проблематике.

Но, отдавая должное этим известным ученым и оценивая их большой вклад в научную разработку обсуждаемой проблемы, необходимо учитывать, что в своих теоретических построениях они исходили из сложившегося в немецкой доктрине XIX века, и перешедшего в отечественную науку гражданского права представления о субъективном праве, как о праве, которым граждане наделяются в силу *прямого предписания закона* [7, с. 25].

Гражданский процесс, соответственно, рассматривался как способ защиты (принудительного осуществления) этого, *возникшего до процесса*, права (правоотношения) [см. об этом: 1, с. 40–43; 21, с. 307–334]. Для периода научного творчества М. А. Гурвича и О. А. Красавчикова в советской науке права 40–60-х годов XX в. характерно «узконормативное» понимание правоотношения [13, с. 10].

Взгляды на возможность (или невозможность) придания судебному решению значения юридического факта в области материального права в этот период формировались также под воздействием идеологических установок о неприемлемости советским государством принципа разделения властей и самостоятельности судебной власти. О. А. Красавчиков делал специальную оговорку о том, что он не касается сущности судебного решения с позиции акта государственной власти [16, с. 186].

Эти представления не «ложатся» на современное российское законодательство. Переход России к обществу с рыночной экономикой потребовал от законодателя формирования новой концепции гражданского права, изменения сущности правового регулирования общественных отношений: саморегулирование собственного поведения участниками правоотношений занимает главное место в реализации гражданско-правовых норм. Участникам гражданского оборота через посредство диспозитивных норм предоставлена свобода в установлении и осуществлении субъективных прав и обязанностей, а в случае спора и передачи его на рассмотрение суда, суду (органу государственной власти) устанавливать субъективные права и обязанности, осуществляя правосудие с учетом особенности каж-

дого конкретного отношения. С. А. Степанов справедливо отмечает, что научное творчество О. А. Красавчикова на долгие годы обеспечивало необходимым инструментарием и науку и практику. «Но рано или поздно любая, даже самая совершенная система (тем более система научная, умозрительная) «изживает» себя... Пласты стремительно нарождающихся неизвестных ранее жизненных отношений и конфликтов опережают саморазвитие доктрины, ставят перед ней новые и новые задачи, решение которых затруднительно без выработки принципиально свежих научных подходов» [22, с. 8].

Во-вторых, обе исследовательницы считают, что в системе гражданского правового регулирования судебное решение имеет *основное* значение акта правоприменения [19, с. 51; 6, с. 13]. При этом они обе практически отождествляют правоприменение и правовую квалификацию отношений спорящих в суде сторон, концентрируют внимание на правоприменительных действиях, имеющих подготовительный характер: на установлении обстоятельств дела, выборе и анализе юридических норм [6, с. 8].

Между тем, в науке права отмечается, что в настоящее время классическое понимание процесса применения права, как формальной конструкции подведения конкретных общественных отношений под абстрактные нормы права по методу логического умозаключения, на практике показало свою нежизнеспособность, поскольку не отражает всей глубины и сложности правоприменительной деятельности суда [11, с. 8]. Правоприменительная деятельность суда характеризуется интеллектуально-волевым содержанием [15, с. 434–444; 12, с. 123; 20, с. 189].

Суд не просто распространяет положения юридических норм на данный случай, а определяет, закрепляет содержание прав и обязанностей, меру юридической ответственности и другие условия поведения участников спорных отношений, то есть на основании, в пределах и направлениях, предусмотренных нормами гражданского права, осуществляет государственно-властное индивидуальное регулирование общественных отношений гражданского оборота [3, с. 367].

Нельзя не учитывать, что в доктрине также достаточно распространено мнение, по которому, под применением права понимается деятельность не только компетентных органов государства, но и любых субъектов, стремящихся соотносить свое поведение с содержанием норм права [17, с. 128; 25, с. 36; 4, с. 110].

Поэтому представляется, что подход к обсуждению значимости решений суда для динамики гражданско-правовых отношений с позиции правоприменитель-

ного акта оказывается методологически недостаточным по причине многозначности понятия «правоприменение».

Эксклюзивное определение места судебного решения в системе юридических фактов гражданского права предложил В. А. Белов.

Проведя анализ существующих суждений по проблематике судебного решения как юридического факта гражданского права, он пришел к выводу, что выявленные им методологические и содержательные недостатки этих суждений свидетельствуют о том, что ни одно судебное решение не может иметь значения самостоятельного юридического факта в традиционном материально-правовом его понимании.

В. А. Белов полагает, что законодатель, относя судебное решение к основаниям возникновения прав и обязанностей в ст. 8 ГК РФ, исходил из *широкого* понимания юридических фактов — имеющих *хоть какое-нибудь* гражданско-правовое значение, хотя бы и иное, чем возникновение, изменение или прекращение гражданских правоотношений. Судебное решение — это суррогат юридического факта [5, с. 31].

Соглашаясь с В. А. Беловым в том, что существующие в науке права представления о гражданско-правовом юридико-фактическом значении судебного решения имеют определенные недочеты и не раскрывают его сущности, считаем невозможным принять его окончательный вывод.

Конечно, указание на судебное решение как на юридический факт гражданского права в ГК РФ не означает его глубокой теоретической обоснованности. В тоже время, объективное гражданское право — есть продукт длительного исторического и культурного развития человеческого общества и поэтому невозможно отрицать значения заключенного в нем легитимного понятия судебного решения в качестве основания возникновения гражданских прав и обязанностей. Оно, очевидно, и должно быть первоначальным средством аргументации в обсуждении проблемы.

Законом (ст. 8 ГК РФ) судебное решение отнесено к *основаниям возникновения гражданских прав и обязанностей*, то есть законодатель учитывал роль этого акта именно в динамике гражданских правоотношений, а не хоть какое-нибудь его значение.

Однозначна позиция законодателя и относительно регулятивной сущности судебного решения: в статье 8 ГК РФ речь идет о решении, *установившем* права и обязанности.

Незавершенной представляется классификация юридических фактов гражданского права, взятой В. А. Беловым за основу его оценки значимости судебного решения для гражданского права.

Избрав в качестве критерия классификации юридических фактов гражданского права правовое положение личности, совершающей действия — акты, В. А. Белов подразделил их на акты частных лиц и акты публичной власти. Акты публичной власти в зависимости от ветви власти, в которую входит орган, издавший акт, — на административные акты и судебные акты [5, с. 31–32, 291].

Эта классификация представляется, безусловно, значимой для обсуждаемой проблемы. Но автор к группе судебных актов, наряду с решениями по гражданским делам, отнес: судебные определения, разрешающие процессуальные вопросы движения гражданского дела; акты вышестоящих инстанций различного содержания; постановления и определения по делам об административных правонарушениях; приговоры, определения и постановления по уголовным делам: все они приняты в рамках судопроизводства, то есть вне сферы фактических отношений частных лиц, вне сферы отношений, регулируемых гражданским правом, а потому (как вывод) и не могут быть юридическими фактами гражданского права.

В этой классификации не учтено, что при рассмотрении и разрешении юридических дел суд выступает в двух качествах: как орган государственной власти, осуществляющий правосудие, и как субъект соответствующих процессуальных отношений.

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении № 1-П от 25 января 2001 г. о проверке конституционности положений п. 2 ст. 1070 ГК РФ разъяснил, что под правосудием понимается не все судопроизводство, а лишь та его часть, которая заключается в принятии акта судебной власти по разрешению подведомственных суду дел, то есть в принятии судебных актов, разрешающих дело по существу [18].

Поскольку предметом обсуждения является именно решение суда, квалификация его лишь как судебного акта методологически не обеспечивает решение вопроса, может ли суд, *будучи носителем публичной власти*, не принимая участия в регулируемых гражданским правом общественных отношениях, оказывать воздействие на динамику прав частных лиц.

Анализ существующих воззрений на юридико-фактическую сущность судебного решения в гражданском праве и подходов к обсуждению этой проблемы приводит к выводу о необходимости пересмотреть методо-

логический арсенал исследования. А.Г. Диденко справедливо отмечает, что в настоящее время для теории юридических фактов значение имеют не только понятие и классификация юридических фактов, на чем сосредоточена цивилистическая мысль.

Учета требует смена общественно-экономической формации, возникновение новых юридических фактов, вызванных к жизни объективными потребностями и способствующих гармонизации частных и публичных интересов. Должны учитываться и процессы глобализации, вызывающие необходимость унификации юридических фактов с целью однотипного решения принципиальных конфликтов [9].

Воспринимая предложенную стратегию исследования, полагаю, что в качестве методологической основы обоснования появления и действия такого юридического факта гражданского права как судебное решение может служить конституционный принцип разделения властей, реализованный в нормах гражданского права.

Это положение кратко аргументируется следующим. Процессы становления и развития институтов гражданского общества и правового государства, происходящие в России, признание человека, его прав и свобод высшей ценностью вызвали переосмысление места и роли суда в системе органов государства.

Конституция РФ 1993 г. отнесла принцип разделения властей к основам конституционного строя России. Судебная власть в российском обществе обрела качества самостоятельной ветви государственной власти одноуровневой законодательной и исполнительной. Это означает способность и возможность волевого воздействия судебной власти на поведение людей *наряду с другими ветвями государственной власти* (в пределах своей компетенции).

Отношения между ветвями государственной власти характеризуются взаимодействием и функциональной направленностью на достижение единой цели: согласно ст. 18 Конституции РФ — это права и свободы человека и гражданина. Ни одна ветвь государственной власти не в состоянии эффективно осуществлять свое назначение без взаимодействия с другими.

Судебная власть осуществляется посредством судопроизводства, взаимодействуя с другими ветвями государственной власти в системе сдержек и противовесов. При осуществлении правосудия судьи подчиняются Конституции и федеральному закону, то есть усмотрение судебной власти сдерживается законодательной властью.

В то же время, установив при рассмотрении дела несоответствие акта государственного или иного органа

закону, суд принимает решение в соответствии с законом, гарантируя защиту прав и свобод участников общественных отношений от произвола властей.

Статьей 46 Конституции РФ право на судебную защиту отнесено к основным неотчуждаемым правам и свободам человека, признается и гарантируется согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, служит в свою очередь необходимой гарантией осуществления всех других прав и свобод.

Провозглашение в Конституции РФ принципа разделения властей предполагает его дальнейшую детализацию в отраслевом законодательстве в том числе в современном российском гражданском праве, ибо ни одна отрасль национального права не может развиваться, если она не опирается на принципы и нормы конституционного законодательства.

Исходя из этой концептуальной предпосылки, законодатель предусматривает совместное участие всех ветвей власти — законодательной, исполнительной и судебной в правовом регулировании общественных отношений сферы гражданского оборота.

Участие законодательной и исполнительной власти в гражданско-правовом регулировании закреплено ст. 3 ГК РФ «Гражданское законодательство и иные акты, содержащие нормы гражданского права».

Участие судебной власти в регулировании гражданских отношений, полагаем, в обобщенном виде закреплено в принципе судебной защиты гражданских прав, указанном в ст. 1 ГК РФ в числе основных начал гражданского законодательства. Основное начало судебной защиты, полагаем, представляет собой закрепление (признание) на уровне гражданского законодательства идеи участия судебной власти в правовом регулировании отношений сферы гражданского оборота в целях защиты субъективных прав и законных интересов граждан и юридических лиц как гарантии их реального осуществления.

В таком содержании и значении принцип судебной защиты как исходное, обобщающее положение о роли суда в регулировании отношений гражданско-правовой сферы, раскрывается во множестве отдельных норм гражданского права, с очевидностью демонстрируется их содержанием. К числу таких норм принадлежит и подп. 3 пункта 1 статьи 8 ГК РФ, относящий судебное решение — акт судебной власти к числу оснований возникновения гражданских прав и обязанностей.

С позиции избранного подхода становится возможным:

- ◆ под судебным решением в контексте ст. 8 ГК РФ понимать акт правосудия, но, в то же время, лишь одну из форм регулирующего воздействия судебной власти на отношения гражданско-правовой сферы; сопоставить ее с другими формами и на этой основе установить признаки судебного решения — юридического факта гражданского права, определить его понятие;
- ◆ рассматривать судебное решение — юридический факт в качестве одного из компонентов механизма гражданского правового регулирования, проанализировать его связь с другими составляющими этого механизма, установить его ценность;
- ◆ исследовать функции судебного решения в роли юридического факта сквозь призму сдержек и противовесов, характерных для принципа разделения властей, проследить опосредованность этих функций в нормах гражданского права, их связь со способами судебной защиты гражданских прав;
- ◆ выявить недостатки норм гражданского законодательства, обеспечивающих участие суда в регулировании отношений гражданского оборота, и разработать предложения по их устранению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аболонин В.О. О развитии гражданского процесса через смену основной парадигмы // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 11. — С. 40–43.
2. Авдюков М. Г. Судебное решение. — М.: Госюриздат, 1959. — 192 с.
3. Алексеев С. С. Право: азбука — теория — философия: Опыт комплексного исследования. — М., 1999. — С. 367.
4. Белов В. А. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики. — М., 2007. — С. 110.
5. Белов В. А. Юридические факты в гражданском праве: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. — М.: Издательство Юрайт, 2016. — 450 с.
6. Власенко В. А. Судебное решение как основание установления гражданских прав и обязанностей: автореф. . . дисс. канд. юрид. наук. — Ростов-на-Дону, 2011. — 28 с.
7. Гордон В. М. Иски о признании. — Ярославль: Тип. Губ. Прав. 1906.-391с.
8. Гурвич М. А. Виды исков по советскому гражданскому процессуальному праву // Известия академии наук СССР. Отделение экономики и права. 1945. № 2. — С. 1–12.
9. Диденко А.Г. О методологии исследования теории юридических фактов. URL: <https://www.zakon.kz>. (дата обращения 16.01. 2020).
10. Добровольский А.А., Иванова С. А. Основные проблемы исковой формы защиты права. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.-159 с.
11. Ершов В. В. Судебное правоприменение: актуальные теоретические и практические проблемы // Российское правосудие. 2006. № 5. — С. 4–12.
12. Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. — М.: Норма: ИНФА-М, 2011. — 720 с.
13. Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. — 187 с.
14. Клейнман А. Ф. Вопросы гражданского процесса в связи с судебной практикой // Социалистическая законность. 1946. № 9. — С. 11–14.
15. Комаров С. А. Механизм правового воздействия // Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах. Том 2. Теория права. Глава XXI. — М.: Зерцало, 1998. — С. 434–454.
16. Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права. Избранные труды: В 2 т. Т 2. — М.,: Статут. 2005. — 494 с.
17. Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм. -М., 1960. —150 с.
18. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2001 года № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 ст. 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И. В. Богданова, А. Б. Зернова, С. И. Кальянова и Н. В. Труханова» // СПС КонсультантПлюс.
19. Рожкова М. А. Судебный акт и динамика обязательства. — М.: Статут, 2003. — 140 с.
20. Сапун В. А. Правоприменительная деятельность: особенности и структура // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 3. — С. 185–191.
21. Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса. — М.: Статут. 2014. — 787 с.
22. Степанов С. А. Блеск и нищета пандектистики. О традициях и не традициях русского гражданского права. // Арбитражные суды: теория и практика правоприменения. — Екатеринбург: Институт частного права, 2006. — С. 227–240.
23. Хорунжий С. Н. Решение суда в теории юридических фактов как основание возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей // Государство и право, 2008. — № 7. — С. 39–47.
24. Шварц М.З., Ямпольский В. Н. К вопросу о судебном признании права // Закон, 2008. — № 10. — С. 86–98.
25. Ядринцева О. В. Индивидуально-договорное правоприменение: Дисс. . . канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2006. — 169 с.

© Склизков Михаил Николаевич (Adv_ocat@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»